

Малахов Сергей Алексеевич

Самарский государственный технический университет

Malakhov Sergey

Samara State Technical University

ОБ АРХИТЕКТУРЕ КАК О НАСУЩНОМ

ABOUT ARCHITECTURE AS A VITAL

Архитектура – пространственный феномен человеческой культуры. Ее происхождение озадачивает неизменными ссылками на материальность и разграничения между пространством укрытия и окружением. Но именно эти ссылки уводят нас в сторону от нескольких важных концептов.

Architecture is a spatial phenomenon of human culture. Its origins are puzzling with indispensable references to materiality and the distinction between shelter and surroundings. But it is these links that take us away from a few important concepts.

Ключевые слова: архитектура, место для человека, обитание и событийность, экстракты, путешествие

Keywords: architecture, a place for humans, habitation and eventfulness, extracts, travel

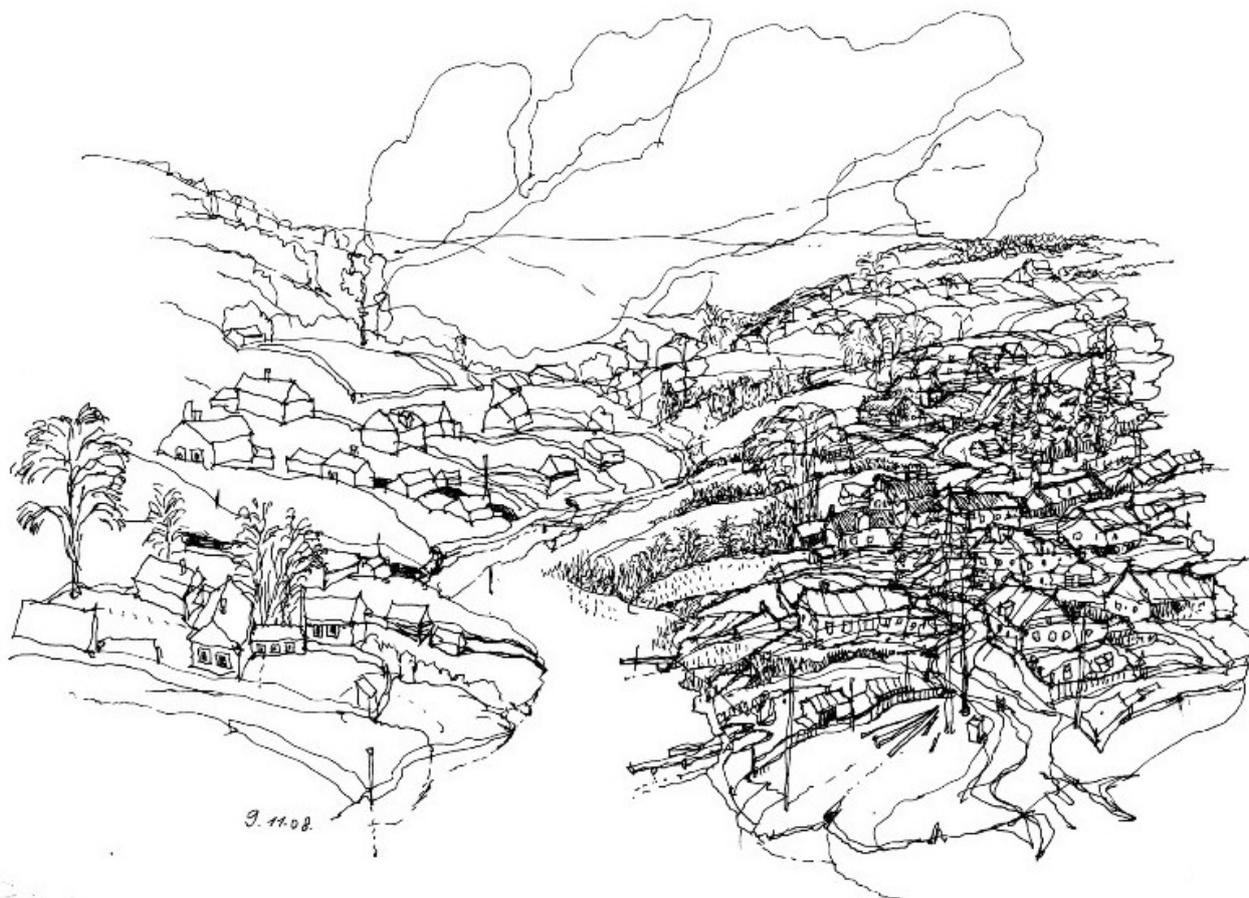

Рис. 1. Вид из окна поезда. Архитектура как пространственно-культурный феномен. Возникновение обитаемого места. Интеграция (слияние, взаимное проникновение, гармония) деревни, склонов, реки.

9. 11. 06.

Рис. 2. Архитектура без архитекторов. Самарский двор – феномен обитания.
Событийность ритуалов и уникальная атмосфера.

Архитектура – пространственный феномен человеческой культуры. Ее происхождение озадачивает нас непереносимыми ссылками на материальность и разграничения между пространством укрытия и окружением. Но именно эти ссылки уводят нас в сторону от нескольких важных концептов, заставляя смешивать то, что способно воодушевить, с тем, что свидетельствует о устоявшемся человеческом намерении не особо беспокоиться о душе.

В результате подобного смешения мы как будто оделись в каменные одежды и приняли априори уверения в правоте таких примитивных действий как строительство бесконечных коммерческих емкостей, поделенных на частные гнезда. В эти частные изолированные гнезда (ячейки) мы покупаем вещи, в числе которых особым приоритетом пользуются унитаз, кухонная плита и кровать.

В данной ситуации настораживают многочисленные отступления от многочисленности и многозначности нашего замечательного мироздания: как будто мы сами заставляем себя мучиться и скучать. Ну, вот, например, наступают лето, а у нашего каменного гнезда не оказы-

вается деревянной террасы с прислонившимся к перилам кустом сирени. Или, если вас занесло на двадцать шестой этаж, и теперь, увы, ваш выбор вовсе не в том, чтобы медитировать на крыльце, или рассматривать муравьев. Дальше-больше: в гости теперь приходится «по звонку», у детей нет компании во дворе, никто из соседей давно не читал Флобера, да и самих соседей вы не знаете по именам. Матрица антиутопии размножает не сложное, а простое. Не глубокое, а мелкое и поспешное. Одинаковое, а не разное. И где здесь архитектура?

В чем же ее «пространственный и культурный феномен»?

В том, как упомянуто выше, этот феномен отсутствует.

Достоверность определения архитектуры обретается с помощью перестановки акцентов: в центре дискурса вместо гнезда будет предложено место для человека. Этот человек стремится к обитанию, и соответственно – архитектура начинает играть роль соответствующей декорации к сценарию. Обитать – значит создавать собственную реальность. Архитектура – отклик на человеческое стремление к событийности.

Но именно обитание понимается как событийность. Круг замыкается, и в центре круга – субъект. Не важны его статус, образование и материальный доход. Архитектура – это синтез средовых историй, включая старые и новые вещи, двор, дом, камни, берег, небо, ручей, крыльцо, пришедших гостей. Экстракт в виде дома – разумное допущение, профессиональное самоограничение, но не более того. Пространственный феномен – всегда больше постройки. Поэтому научить архитектуре в университете – невозможно. Или почти невозможно. Учить архитектуре – это все равно, что учить становиться субъектом своей реальности.

Поэтому, если мы хотим поставить знак равенства между архитектурой и пространственно-культурным феноменом, то архитектуры как профессии не существует. При этом есть некая договоренность – работать с экстрактами, и – соответственно – выстраивать особую профессиональную философию, касающуюся ценности экстрактов и соответствующих действий с ними. Исходя из этой договоренности, создаются профессиональные структуры, занимающиеся домами, не обращая внимания, на то, как люди хотели бы жить. Большинство принимают подобные предложения за насущное, соглашаются покупать и вселяться в бетонные гнезда, или восхищаться объектами-ат-

тракционами, повышающими самооценку политиков и профессионалов. Университетские программы ориентированы на архитектуру как науку об экстрактах.

Кроме коммерческих ячеек, профессионалы умудряются, время от времени, спроектировать и построить «дома для людей», и вот именно на этом архиве воздвигнута история архитектуры со всеми ее дисциплинами: но упомянуты в ней не только чувственный Бродский, но и самонадеянный и дорогостоящий Либескинд. Бытуют внутри этой истории и витрувианские банальности про «триаду», и высокопарные восхваления леонидовских небоскребов у кремлевской стены (равно взамен Кремля), и уж совсем примитивные споры по поводу того, чья «архитектурная школа» лучше.

На все на это хочется ответить предложением сесть в поезд, идущий из Санкт-Петербурга в Самару, а лучше – в Петропавловск Камчатский, устроиться у окна и смотреть на то, что люди построили без всяких архитекторов и выдающихся школ. Смотреть на одиноко светящиеся окна, тальвеги, хутора, огороды, станционные строения, дачи, и прочее, слившееся в нечто единое, и потом еще увидеть человека, или сидящего в лодке, или идущего по тропе. Поезд и путешествие могут научить нас почувствовать архитектуру как целостность и событийность места, – действительно обитаемого пространства.

•••